

ПЕЧАТЬ ПАРИЖСКИХ БАРРИКАД

Н. П. Ефремова

Хотя еще накануне никто не мог бы со всей точностью сказать, что именно 18 марта 1871 г. в Париже начнется революция, ее приближение чувствовалось давно. В 1867 г. по капиталистическим странам волной прокатился экономический кризис. Потряс он и Францию. Разорялась мелкая буржуазия, нищал пролетариат. Росли штрафы, налагаемые на рабочих, и цены на товары. Увеличивалась продолжительность трудового дня. Даже у подростков рабочая смена длилась до 17 часов в сутки. Свыше 120 тыс. бездомных и безработных французов бродили по дорогам и городам страны в поисках куска хлеба. На усиление эксплуатации рабочий класс отвечал забастовками. Он выдвигал и политические требования, объединялся в профессиональные союзы. У него были свои кандидаты на выборах в органы власти. Самые передовые принимали участие в коммунистическом движении: в Париже, помимо 50 профсоюзных организаций, насчитывался ряд секций Интернационала. За месяц в столице проходило по 40—50 пролетарских собраний. Обстановка накалялась. Правительство, наконец, признало законность профсоюзных объединений и разрешило проводить собрания, но наложило ограничения на тематику выступлений: можно было говорить обо всем, кроме политики.

Постепенно левела и парижская печать. «Свободы», предоставленные так называемыми либеральными законами империи, оказались куцыми. Что касается прессы, то правительство отменило лишь предварительные разрешения на организацию новых печатных органов. Однако высокий гербовый сбор оставался для бедных демократических изданий почти непреодолимым барьером. А министерство внутренних дел помогало только реакционным газетам, раздавая им специальные субсидии. На повестку дня рабочего движения вставала необходимость формировать политическое сознание пролетариата и организовывать подлинно рабочую печать. Недаром с первых же шагов деятельности Интернационала К. Маркс заботился о сплочении рабочих вокруг своих печатных органов. Французской печати, даже самой демократической ее части, не хватало последовательности в защите интересов трудящихся. Как и в других странах, во Франции еще предстояло убедить «самую прессу — в том, что пресса имеет действительное и необходимое право на существование»¹. Однако ошибки демократической печати искоренялись ею же по мере накопления опыта борьбы. В те годы за газетой «Объединение», органом кредитных кооперативов, стояли уже десятки тысяч тружеников. Как раз поэтому К. Маркс считал необходимым иметь полпредом Интернационала при парижской прессе члена редакции «Объединения» Лефора.

Чувствуя приближение своего краха, Вторая империя искала точку опоры, чтобы обратить вспять революционное движение. И Наполеон III и кайзеровская Пруссия взаимно старались развязать «отвлекающую» и «спасительную» для реакции войну. Но французская реакция проиграла ставку на победоносный исход этой авантюры, и Вторая империя, как известно, в 1870 г. пала. Новое же, Временное правительство боялось французских вооруженных рабочих больше, чем внешнего врага. Оно открыло пруссакам дорогу на Париж. Народ не потерял веру в свои силы. Новые массы влились в Национальную гвардию. Реакция тщетно старалась не допустить туда рабочих, предательскими мерами деморализуя армию. Национальные же гвардейцы бдительно следили за происками правителей страны, организовывали комитеты по наблюдению за деятельностью мэров и правительства, на собственные деньги приобретали пушки и ружья и гравировали на них названия своих батальонов.

Патриотические порывы трудящихся Парижа вдохновляла левая печать. Руководящим органом обороны стала газета «La Patrie en danger» («Родина в опасности»),

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 167.

созданная Л.-О. Бланки, этим «вечным узником», который свыше 36 лет провел в тюрьмах империи. Его газета настойчиво требовала от правительства энергичных патриотических мер. «Родину в опасности» поддерживала газета «Le Combat» («Сражение»). Демократическая печать разоблачала попытки реакции лишить рабочие батальоны Национальной гвардии боеприпасов, а пролетарские кварталы Парижа — элементарных средств существования. В парижской печати все отчетливее намечалось резкое размежевание. Левые газеты вели прицельный огонь по правительственным органам пропаганды, ускоряя вытекавшее из объективного хода событий разграничение классовых интересов. Народ «принял всерьез патриотический энтузиазм прессы, — писала газета «Родина в опасности» 9 сентября 1870 г., — но ему не напрасно кажется, что ее слова расходятся с (правительственными) делами». Правительство национальной обороны окрестили правительством мнимой обороны, а потом — национальной измены.

В осажденной пруссаками столице Франции революционно настроенные парижане 31 октября предприняли вооруженную попытку взять организацию обороны в свои руки. Участники этого восстания были арестованы. Правительство ликвидировало клубы. Из-за преследования ее редакции и материальных трудностей закрылась газета «Родина в опасности». Эстафету переняли новые издания: «Le Drapeau rouge» («Красное знамя»), «Le Faubourien» («Житель пригорода»), «L'Oeil du Marat» («Око Марата»), «La Lutte à outrance» («Битва до конца»), «La Résistance» («Спротивление»). Газета «Спротивление» и содержанием и оформлением походила на прежнюю бланкистскую «Родина в опасности». Появилось несколько газет, издаваемых секциями Интернационала. В январе 1871 г. вышел в свет первый номер газеты «La République des travailleurs» («Республика трудящихся»), редактором которой стала писательница-социалистка Андре Лео.

22 января более 6 тыс. национальных гвардейцев собрались с оружием в руках у ратуши, протестуя против предательской политики правительства. Раздавались призывы установить Коммуну. Реакция потопила в крови искры этого нового восстания, а затем расправилась с газетами «Сражение» и «Le Réveil» («Пробуждение»). Она спешно провела выборы в Национальное собрание. Его монархический состав ставил под угрозу существование республики. 10 марта генерал Винуа обрушил репрессии на сохранившиеся пока шесть ведущих левых газет. А с рассветом 18 марта Тьер отдал приказ разоружить Национальную гвардию, чтобы затем вообще покончить с революционными организациями. На высотах Монмартра демократический Париж дал тогда врагам трудового народа решительный отпор. Улицы столицы покрылись баррикадами. Тьер бежал в Версаль. В Париже началась «первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе»². Зародилась диктатура пролетариата. Власть перешла к Центральному Комитету Национальной гвардии. Между тем, пока вереницы повозок с имуществом буржуа тянулись к Версалью, в типографии все еще продолжали печатать воззвания бежавшего правительства. Национальные гвардейцы не поспешили занять помещение даже «Официальной газеты». Поэтому еще утром 19 марта она появилась с призывом от имени реакционеров.

Однако количество революционных органов печати начало расти быстрыми темпами. Чуть ли не каждый день возникала новая газета, а иногда сразу две или три. Журналистика, этот барометр общественной жизни, отразила расцвет новой прессы: сотни названий периодических изданий с тиражами в десятки тысяч экземпляров. Даже современники удивлялись такому взлету периодики и всеобщему интересу к печатному слову. «Все усердно читали газеты, — вспоминал деятель Коммуны Артур Арну. — Это... указывало, что перед нами не солдаты правительства, а волонтеры революции»³. Характер печатных изданий угадывался с первого взгляда. Он открывался уже в звучных, призывных названиях: «Le Cri du peuple» («Клич народа»), «Le Vengeur» («Мститель»), «L'Action» («Действие»), «Paris libre» («Свободный Париж»), «La Justice» («Правосудие»), «Le Tribun du peuple» («Народный трибун»), «L'Affranchi» («Освобожденный»). Традиционные литературные жанры временно отступили на второй план, а ведущим жанром стала боевая политическая публицистика. Писатели-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 347—348.

³ А. Арну. Народная история Парижской Коммуны. Пгг. 1919, стр. 134.

сатирики, художники-карикатуристы в полную силу раскрыли свои таланты на страницах революционной прессы.

Трудная задача легла на плечи тех, кто был призван руководить печатью. Все предстояло организовывать заново: пересмотреть содержание газет, подобрать кадры, обеспечить полиграфическую базу, продумать систему распространения изданий, вопросы финансирования... Только 72 дня отпустила история для первого опыта пролетарской власти. За эти десять недель коммунары не все успели даже продумать и еще меньше осуществить из того, что задумали. Тем не менее главное в Мартовской революции определилось сразу же. «Посмотрите на Парижскую Коммуну, — писал Ф. Энгельс. — Это была диктатура пролетариата»⁴. Пролетарский характер власти незамедлительно сказался и на руководстве печатью. 19 марта ЦК Национальной гвардии (ЦК НГ) направил Эдуарда Моро, революционера и бойца, в «Официальную газету» и Национальную типографию, чтобы помочь парижским рабочим взять в свои руки средства пропаганды. Революционная власть демократизировала управление органами государственного аппарата. В частности, Моро отказался от каких бы то ни было привилегий. «Раньше мы получали по 30 су. Нам их и теперь хватит», — заявил он⁵. 30 су — это ежедневная плата рядовому национальному гвардейцу.

Усилиями коммунаров «Официальная газета» стала органом ЦК НГ. Она не изменила внешнего оформления и типографского исполнения, по-прежнему давала житейскую хронику. Но совершенно иной стала ее официальная часть. Редактировать материалы этого раздела поручили наиболее преданным делу революции журналистам. Первым редактором обновленной газеты стал рядовой боец Эмиль Лебо. 28 марта ЦК НГ передал верховную власть Коммуне, избранной всеобщим голосованием. 30 рабочих вошли в состав правительства. Народные представители в знак принадлежности к Коммуне надели через плечо красные шарфы. Их приветствовали сто батальонов Национальной гвардии и сотни тысяч парижан, заполнивших улицы и площади столицы. Торжественно били барабаны. В сиянии яркого солнца лились знамена, как алые паруса сбывшейся мечты. Повсюду гремели возгласы «Да здравствует Коммуна!». Совет Коммуны, ее мозг и сердце, ежедневно заседал в ратуше. Там обсуждались социально-экономические планы, повседневная политика и задачи обороны Парижа от версальцев. Произносились возвышенные речи, шли горячие и продолжительные дискуссии. Этот политический подъем отразился и на газетах Коммуны. На них лежит отпечаток одновременно праздничности и сурового величия тех дней. На пожелтевших от времени страницах запечатлено живое бление революционной мысли и бессмертные дела коммунаров.

Буржуазные историки постоянно иронически твердили, что печать Коммуны была переполнена всевозможными официальными документами. В действительности же газеты Коммуны — это богатейшее сочетание всех жанров: от заметки до исторического фельетона, от хроники в несколько строк до стихотворений, вошедших в золотой фонд французской революционной поэзии. Арсенал сюжетов почти необъятен. Что касается декретов и других официальных сообщений, то ведь именно через них парижане раньше всего и подробнее всего узнавали самое важное для дела революции. Только злобный враг рабочего класса и его дела может отказать этим материалам в глубоко эмоциональном воздействии. Они впечатляют, волнуют и вдохновляют; они «были превосходны как по форме, так и по содержанию, часто отличались истинным красноречием и говорили с народом понятным ему и в то же время ясным, сильным, сжатым и возвышенным языком»⁶. Именно декреты Коммуны выражали думы и чаяния народа. Коммуна передала рабочим товариществам мастерские и фабрики, владельцы которых бежали из столицы; запретила наложение штрафов на трудящихся; разрешила в пользу беднейших слоев населения вопрос о порядке выдачи вещей из ломбарда и квартирный вопрос; реорганизовала социальное обеспечение; ввела обязательное бесплатное образование; отделила церковь от государства.

Первой печатала законодательные акты Коммуны «Официальная газета». Затем их помещали многие другие революционные периодические издания, отводя им чаще

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 201.

⁵ E. Lepelletier. Histoire de la Commune. T. I. P. 1913, p. 68.

⁶ А. Арну. Указ. соч., стр. 125—126.

всего самое видное место. Совет Коммуны старался придать как можно больше гласности каждому своему действию. На своих заседаниях коммунары неоднократно обсуждали, как получше и побыстрее довести до сведения населения декреты, как полнее использовать печать для обсуждения возникающих проектов⁷. Печать успешно выполняла роль пропагандиста, агитатора и организатора трудового народа. На ее страницах отражалось и формировалось общественное мнение. Парижская коммуна, отмечал В. И. Ленин, «показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма»⁸. Газеты Коммуны полны самых оперативных и заинтересованных откликов на решения Совета. Они содержат также многочисленные предложения. Нет ни одного актуального вопроса, по которому не выступали бы парижские газеты тех дней. Предложения в адрес революционной власти были не домыслом узкого круга журналистов, а общественным мнением, вылившимся на страницы печати.

Впервые в истории печати уделялось столь много внимания письмам читателей. Популярнейшая газета «Le Père Duchêne» («Отец Дюшен») сообщала, что каждый день ее почтовый ящик бывает до отказа наполнен конвертами. Чтобы опубликовать всю почту дня, не хватало бы страниц. Ввиду этого «Отец Дюшен» давал изложение содержания поступавшей корреспонденции, но делал это очень тщательно. В № 17 так объяснялся принцип работы с авторами: если пишут патриоты, то нет такой мелочи, которая не заслуживала бы внимания⁹. Имелись специальные отделы и рубрики, где печатались сообщения от рядовых коммунаров. Часто письма воспроизводились полностью или с небольшими сокращениями. Многие редакции под подписью автора называли также его адрес, чтобы не оставалось сомнений в подлинности материала и чтобы Коммуна всегда могла обратиться к корреспонденту для более подробного выяснения его мнения. Преданность революции, желание вдохновить своих товарищей и помочь общему делу советом — вот лейтмотив писем парижан. В письмах встречается и критика, но не ради нее самой, а всегда с целью найти путь преодоления трудностей и недостатков.

«Пусть не будет скандально высоких окладов. Дорогу истинному мужеству. Прежде всего — хлеб, убежище и обязательное обучение для детей», — такую программу действий предлагает автор письма в «Отец Дюшен». «Мне надо будет написать вам еще по поводу здравоохранения в нашем округе, особенно если комиссия будет бездействовать», — сообщает другой корреспондент. «Прочитал ваши последние номера, в которых помещены статьи против попов, с чувством живейшего удовлетворения. Оно еще более усилилось после ознакомления с декретом Коммуны об отделении церкви от государства. Я говорил себе так: они не смогут больше давать своих обезьяньих представлений. И я ждал, что они вот-вот очистят помещения. Однако обратите внимание: декреты издаются, но не приводятся в исполнение. На деле попы продолжают собирать золото... Разве церкви — собственность государства — не должны были бы служить для собраний?» — спрашивает газету гражданин Пешар. Бывший преподаватель английского, итальянского и испанского языков предлагает бесплатно работать на курсах по изучению иностранных языков для детей национальных гвардейцев; автор шлет также газете свои стихотворения; если их издадут отдельной брошюрой, то полученные средства следует распределить между семьями убитых защитников Коммуны. Корреспонденты призывали сограждан к бдительности: «Разве вы не видите, как стоварииваются все эти бандиты?.. К оружию, парижане! Будем помнить, что мы должны спасти Республику!»¹⁰.

Как правило, газеты печатали в одном из первых же номеров свою программу. Она представляла собой перечень социально-экономических мероприятий, которые требовала поддержать редакция. Намерения публицистов в основном совпадали, но каждая газета тем не менее имела свое лицо. Например, если «La Montagne» («Гора») умело и больше других писала об общественных организациях, то «La Sociale» («Со-

⁷ См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Тт. I—II. М. 1959.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 203.

⁹ А. И. Молок. Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны. «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей. М. 1957.

¹⁰ 20 подлинников писем в редакцию «Отца Дюшена» хранятся в московских архивах. См. также «Письма рабкоров Парижской Коммуны». М. 1937.

циальная газета») пропагандировала разрешение рабочего вопроса. «Освобожденный» много сделал для разоблачения реакции. «Отец Дюшен» был самым требовательным. Его отличали особая боевитость при освещении реформы образования и жгучая ненависть к церкви.

Создаваясь при участии широкого круга читателей и отражая интересы народа, печать Коммуны становилась действительно массовой. В то же время немалую роль играла личность редактора, а также ведущих журналистов, ибо именно они определяли характер издания, и их творчеством зачастую руководствовались читатели, выбирая из массы периодики ту или иную газету. Читатели знали, что «Сражение» передает ход событий через призму восприятия их Феликсом Пиа, хотя сам Пиа выступал за самостоятельность суждений каждого сотрудника. С именем редактора прежде всего связывали и «Клич народа», несмотря на то, что в нем было не так уж много статей Жюля Валлеса. Эжен Вермеш почти целиком направлял «Отца Дюшена»: именно он предложил формат газеты, обосновал цену номера и распределял задания, учитывая способности и склонности сотрудников; решал, каким быть заголовку; задавал тон содержанию, в котором должны были отражаться «великий гнев» и «великая радость».

Значение редактора подчеркивалось и в оформлении издания. Его имя занимало место не в конце номера, а набиралось крупным жирным шрифтом непосредственно под названием газеты. Об изменениях на посту редактора обязательно сообщалось. Уличные продавцы газет непременно выкрикивали имя редактора вместе с названием самого издания. В то же время довольно много статей печаталось без авторских подписей. Позднее Коммуна осудила анонимность выступлений в прессе и в последнем своем декрете о газетах, от 18 мая, потребовала, чтобы каждый материал был подписан. Вокруг газет складывался коллектив постоянных авторов. За некоторыми сотрудниками закреплялись определенные разделы. Просматривая газету «La Nouvelle République» («Новая республика») Паскаля Груссе, обращаешь внимание на то, что здесь постоянно публиковались член ЦК НГ Э. Моро и секретарь редакции Ш. Дакоста. Причем Моро, как правило, вел «Хронику дня», а «Информацию» собирал Дакоста. Газета имела своего специального корреспондента на заседаниях Версальской Ассамблеи, фамилия которого не оглашалась по конспиративным соображениям. Очень часто встречается под материалами подпись П. Груссе. В некоторых номерах его перу принадлежало по две-три статьи. В большинстве газет сами главные редакторы давали передовицы. В «L'Ordre» («Порядок») от 20 марта Огюст Верморель пишет о характере революции. Редактор «Le Bonnet Rouge» («Красный колпак») Секондинье высказывается по таким актуальным вопросам, как выборы в Коммуну и борьба с версальской реакцией, разъясняет сущность революции, агитирует парижан в пользу активной деятельности, разоблачает контрреволюционеров и буржуазных журналистов, определяет отношение Коммуны к французской провинции.

Редакторы и журналисты революционных газет хорошо знали друг друга и часто встречались, чтобы совместно обсудить насущные темы дня. В этих встречах принимали участие и члены Совета Коммуны. В свою очередь, журналисты успешно сочетали газетную и общественную деятельность. На заседаниях Совета они выступали по самым различным вопросам. Поэт, чьими лирическими песнями восхищался весь Париж, и журналист, публиковавший статьи на общеполитические темы, Ж.-Б. Клеман самозабвенно работал в комиссиях Коммуны и участвовал во всех заседаниях Совета. Журналист К. Буи расследовал предательство со стороны правительства Национальной обороны, чтобы предать гласности его позорные деяния. Редактор газеты «Свободный Париж» П. Везинье изучал возможности передачи военных заказов рабочим ассоциациям. С большой заинтересованностью проблему организации прессы нового типа обсуждали на заседаниях Совета П. Груссе, О. Верморель, Ф. Пиа, Г. Лефрансэ, Ш. Амуру и другие.

Многие публицисты и литераторы постепенно освобождались от мелкобуржуазных иллюзий и утопических заблуждений. Идейное единение с Коммуной большинства демократических журналистов было очевидным и прочным. Эта духовная близость вызывала ярость у врагов трудящихся. Реакционеры обвиняли революционных журналистов в «утрате самостоятельности мышления», в «замалчивании недостатков» деятельности ЦК НГ и Совета Коммуны. Естественно, оценка событий коммунарами-публицистами не могла не расходиться с тем, какими их видели пропагандисты Версаля. Критика со

стороны людей, преданных революции, не имела ничего общего с буржуазным отрицанием самой революции и ее деяний. Прямой отпор клеветникам дал однажды П. Груссе: «Некоторые реакционеры приклеили нашей газете ярлык официоза ЦК. Они грубо ошибаются. «Новая Республика» призвана замечать слабости и у Комитета, подмечать, когда его члены не проявляют достаточно энергии в исполнении ими своих обязанностей»¹¹.

Боевой характер печати, ее верность революции символизировал плакат, изготовленный в те дни в Париже. На нем воспроизведен эпизод защиты одной из столичных баррикад. Над баррикадой развернуто знамя, на котором начертаны названия ведущих революционных газет. Еще выше помещены портреты редакторов: П. Груссе, А. Рошфора, Г. Марото, Ж. Валлеса, Э. Вермеша, Ф. Пиа, О. Вермореля. Если принимать во внимание только газеты, созданные самими революционерами, то частный способ владения ими не имел в те дни существенного значения для развития пропаганды. И все же будущее было за газетами, не принадлежавшими какому-либо определенному лицу. При Коммуне быстро окрепли массовые организации, и их периодические издания обрели благоприятную почву для выхода в свет. К ним относилась и профсоюзная газета «L'Ouvrier de l'avenir» («Рабочий будущего»). Еще в январе 1871 г. один из видных коммунаров, Лео Франкель, высказывался за создание печати интернационалистов: «Нам нужен орган, который бы ясно излагал наши идеи! Как вы хотите, чтобы научился рабочий, который ничего не знает?»¹². В марте этот пробел был отчасти восполнен. Стала выходить газета двух парижских секций Интернационала — «La Révolution politique et sociale» («Политическая и социальная революция»).

На заседаниях клубов, заново открытых после 18 марта, собирались тысячи парижан. В огромном Париже не нашлось помещений, способных вместить такую аудиторию. Тогда коммунары приспособили церкви: днем служители культа собирали поредевшую паству, а вечером там появлялись те, кто боролся за светлое будущее человечества на Земле. Клубы стремились предоставить народу не только трибуны для устных выступлений, но и страницы печати. Если гражданин не обладал ораторским талантом или ему не пришлось выступить на собрании, пусть в свободное время изложит свои мысли письменно. Появились две газеты клубов «Le Bulletin communal» («Коммунальный бюллетень») и «Le Proletaire» («Пролетарий»). Организаторы клубов приняли участие в их редактировании. Затем молодежь основала свою газету «La Rouge» («Красная»). Женские объединения также имели неограниченную возможность публиковать материалы на страницах революционной прессы. В апреле оформилась федерация художников. Она наметила программу своего литературно-общественного органа «L'Officiel des arts» («Вестник искусств»). Диапазон тематики предполагалось сделать очень широким: от бюджетных сводок и отчетов о заседаниях Комитета федерации до дискуссий по эстетике¹³.

Народная по содержанию, печать Коммуны имела общенациональное значение. Она обращалась, в частности, к крестьянству с разъяснением политики Коммуны: «Ничто не сможет устоять против единения пролетариев — пролетариев станка и пролетариев плуга»; «Париж хочет земли для крестьян, орудий труда — для рабочих, работы — для всех». Мирлюбивые устремления Коммуны отвечали чаяниям трудящихся всей Франции. В некоторых деревнях прошли под красным знаменем демонстрации в знак солидарности с парижанами. Коммунары придавали особое значение своему центральному изданию — «Официальной газете». Только однажды они проявили колебания, и газета вышла как орган не всей Франции, а исключительно Коммуны, подчеркнув территориальную ограниченность даже в своем названии — «Официальная газета Парижской Коммуны». Но затем вернулись к прежнему названию — «Официальная газета Французской Республики». Оно свидетельствовало о желательном распространении влияния революции на всю страну. В то же время для провинции задумали организовать специальное печатное издание.

Хорошо известен интернациональный характер Парижской коммуны. Его четкие контуры обнаружили не только с точки зрения исторической перспективы. К тому же

¹¹ «La Nouvelle République», 1871, № 10.

¹² П. Лавров. 18 марта 1871 года. Женева. 1880, стр. 48.

¹³ «Le Journal officiel», 14.IV.1871.

интернационализм Коммуны проявился не в одних лишь провозглашенных ею принципах. Ежедневно и ежечасно он подтверждался практической работой и жизнью. Сотни иностранных граждан спешили на баррикады Коммуны, считая ее делом делом международного пролетариата. Поляки, итальянцы, бельгийцы, русские, представители ряда других народов боролись в Париже за освобождение от гнета эксплуататоров. Печать коммунаров защищала их от клеветы, от обвинений в «шпионаже» и «продажности». Революционные газеты писали о героизме генерала Коммуны Ярослава Домбровского. Они восхищались храбростью Анны Пустовойтовой, чьи подвиги в борьбе за свободу высоко оценил Джузеппе Гарибальди. Как и сама Коммуна, ее газеты объединили на своих страницах имена французских авторов и представителей других государств. Под ее пламенными призывами стоят подписи славных дочерей России — Анны Корвин-Круковской (сестры известного математика Софьи Ковалевской) и Елизаветы Дмитриевой (Кушелевой-Тумановской), представителя Генсовета Интернационала и лично К. Маркса.

Коммуна по возможности следила за оценкой ее действий демократической печатью за рубежом. Газеты Коммуны помещали сообщения об одобрении борьбы парижского пролетариата народами других государств. К. Маркс разослал сотни писем различным секциям Интернационала и сделал все возможное, чтобы использовать и буржуазные издания для пропаганды идей Коммуны: «Даже английские буржуазные газеты отказались от своих первоначальных яростных нападок. Время от времени мне удается протаскивать в них сочувственные заметки»¹⁴. К. Маркс изучал тогдашнюю французскую и английскую периодику, создавая основополагающий труд по истории Коммуны «Гражданская война во Франции». А позднее, когда ему стали доступны газеты коммунаров, он детально проанализировал пять революционных органов печати, чтобы на новом материале показать мировому пролетариату классовый характер и интернациональное значение Коммуны¹⁵.

Новостями о Парижской коммуне живо интересовались во всех странах. Демократическая пресса Италии, Швейцарии, Бельгии, а затем и США оказывала Коммуне моральную поддержку. Пропаганда ее идей в печати служила дальнейшему повсеместному подъему рабочего движения. В Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Польше близкие к рабочим газеты приветствовали революцию во Франции. Но «старый мир» пришел в бешенство при виде красного зарева, поднявшегося над Парижем. Царское правительство с помощью соответствующей пропаганды в «Правительственном вестнике», «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и в других изданиях пыталось внушить массам России, что Коммуна означает «анархию», «бессмысленную жестокость», «грабежи», словом, гибель цивилизации. На страницах реакционной периодики раздавалась самая настоящая брань в адрес коммунаров. Ведущие органы русской либеральной печати имели в Париже своих корреспондентов. Однако их пониманию была доступна, самое большее, полуправда о Коммуне. Позднее даже эти газеты публиковали проекты подавления революции во Франции.

Иной была позиция русской революционной демократии. Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский стремились глубоко и честно разобраться в парижских событиях. «Отечественные записки», народническая «Неделя», сатирический журнал «Искра», несмотря на преследования и репрессии, вставали на защиту Коммуны. Передовая российская общественность сочувственно и с напряженным вниманием следила за крушившей старое решительной деятельностью коммунаров. Последние понимали, сколь необходимо распространять революционные парижские газеты за границы, чтобы разъяснить истинный смысл Коммуны. Но из Парижа удавалось вывозить только «Официальную газету» и лишь в Голландию и Бельгию. Особенно активную пропаганду идей Коммуны наладили в Бельгии. В Женеву Совет Коммуны послал своего уполномоченного, чтобы организовать там выпуск печатного органа. И эта газета появилась. Она публиковала те же статьи, что и «Официальная газета», имела такой же формат, шрифт и название. Версальская полиция долгое время полагала, что эту газету просто вывозят из Парижа, и тщетно пыталась перехватить распространителей в поездах, следовавших из революционной столицы¹⁶.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 189.

¹⁵ «Архив Маркса и Энгельса». Т. 15. 1963.

¹⁶ «L'Ordre», 1871, № 3.

Коммунары предельно упростили процедуру вывоза газет из Парижа. Но кольцо германо-версальской блокады сжималось все больше. Еще 20 марта префекты полиции получили следующую депешу: «Немедленно задержите «Официальную газету»... Она издана мятежниками, овладевшими типографией». Затем последовало распоряжение следить за кафе, кабачками и гостиницами, чтобы не допускать туда демократических изданий. С перенугу конфисковывали все подряд, иногда даже реакционные издания. На вокзале в Версале устраивали обыск пассажиров, приехавших из Парижа¹⁷. Тем не менее железнодорожники стали верными связными Коммуны. Они распространяли ее воззвания, афиши и газеты. «Все присланные из Парижа газеты жадно читаются и передаются из рук в руки. Как жаль, что их нельзя получать регулярно. Сколько людей изменило бы свой образ мыслей, сколько мнений стало бы другими!» — писали из департаментов в Париж. В редакцию «Отца Дюшена» коммунары И. Дотье, в частности, сообщал: «Вот что пишет мне мой друг из провинции. Мой друг, которому я послал твою газету. От нее вся деревня помирала со смеху, но немало народу и призадумалось. У многих появились новые мысли и некоторые наблюдения. Не надо оставлять эту добрую почву».

На оккупированной версальцами территории продавцы легальных изданий распространяли втайне парижскую печать. Революционные пропагандисты и агитаторы стремились воздействовать в первую очередь на реакционную армию. Газета «Мститель» призывала: «Распространим демократические газеты в рядах наших обманутых версальских братьев!» Отважная дочь Франции Луиза Мишель, учительница по образованию и революционерка по призванию, проникла прямо в расположение версальских войск и агитировала солдат переходить на сторону Коммуны. ЦК НГ и Совет делегировали в провинцию своих представителей. Знамена Коммуны были подняты в Лионе, Марселе, Тулузе, Сент-Этьене и других городах страны. А Париж торжественно встречал посланцев революционных городов. С помощью коммунаров в ряде промышленных центров был налажен выпуск революционных изданий. На помощь Коммуне пришли добровольные распространители. Из-за саботажа владельцев закрылись газетные киоски, но молодежь охотно становилась уличными продавцами газет. С утра кварталы столицы оглашались их громкими призывами покупать свежие выпуски. Коммунары заботились, чтобы каждый номер побывал у возможно большего числа парижан. Количество читателей любой газеты значительно превышало ее тираж. Для этого периодически приносили прямо на собрания клубов, в театры, на празднества. Министр Коммуны Трейяр предложил оборудовать в госпиталях залы, в которых выздоравливающие национальные гвардейцы могли бы читать периодику. «Официальную газету» расклеивали на улицах Парижа и раздавали на заседаниях Совета.

Распространение газет приобретало характер праздничного зрелища. Например, распространители «Красного колпака» в соответствии с ее названием носили красные шапки. Их появление на улицах выглядело впечатляюще. Газета рассказала историю появления этого головного убора и раскрыла смысл его красного цвета¹⁸. Этот символ революции и пролитой в борьбе за свободу народа крови вызывал ненависть у реакции. Случалось, что на распространителей устраивали нападения оставшиеся в Париже реакционеры... Коммунары в целом придавали первостепенное значение проблеме доступности печатного слова. Революция приобщала к политике всех парижан, вовлекала их в общественную жизнь. Совет Коммуны внимательно следил за идеологическим направлением газет; неоднократно обсуждал случаи отклонения их от революционной линии; сурово осуждал попытки некоторых изданий использовать типично буржуазные приемы журналистики, чтобы вызвать к себе особый интерес; вмешался в неоправданно затянувшуюся полемику между несколькими газетами, помогая разрешать конфликт между отдельными редакциями.

Большинство газет были ежедневными. Но тиражи их существенно различались. Совет, занявшись изучением спроса на «Официальную газету», порекомендовал ей выходить в свет раньше других революционных изданий, основная часть которых появлялась рано утром. О популярнейшей газете «Клич народа» говорили, что она поступает в продажу с пробуждением первого петуха. С рассвета уже почти на всех

¹⁷ «La Nouvelle République», 1871, № 15.

¹⁸ «Le Bonnet Rouge», 1871, № 12.

улицах и площадях раздавались голоса разносчиков «Отца Дюшена»¹⁹. Популярность ранних газет заставила и других издателей пересмотреть часы выхода их изданий. Часто вторые, более поздние выпуски дополняли новости, поступившие ранее. Репортеры оперативно собирали материал, будь то в зале заседания Совета или на ответственных участках обороны Парижа. Газета не ждала исхода событий: о нем писали уже в следующем номере. Читатели знакомились с тем, что еще только совершалось, когда печатался тираж. «Говорят о мощной атаке версальцев, — сообщал «Красный колпак» 17 апреля. — Наши репортеры находятся в самых горячих местах боя. Мы выпустим сегодня второе издание, в котором дадим детальное описание сражения».

Чтобы сделать свои издания доступными для беднейших слоев населения, коммунары старались снизить стоимость газет. В первую очередь это касалось «Официальной газеты». Некоторые периодические издания продавали номера за одно су. Наиболее дешевой являлась печать массовых организаций. А газета клуба «Пролетарий» выпустила первый номер вообще без указания цены и с предложением уплатить, кто сколько сможет. Большинство газет, дружественных Коммуне, распространялось по цене в 5—10 сантимов. Некоторые издания варьировали свою стоимость. «Красный колпак» вдвое снизил цену в розничной продаже. Коммунары ориентировались и на предшествующий опыт распространения печати, учитывали финансовое положение провинциальных и даже зарубежных изданий. На одном из заседаний Совета Коммуны приводился пример Бельгии, где имелись газеты стоимостью в два сантима, что обеспечивало им высокие тиражи, большую доступность и популярность.

Ряд газет оказывал друг другу финансовую взаимопомощь. Так, «Отец Дюшен» поддерживал «Социальную газету», которая выходила вечером и не была способна по материальному благополучию сравниться с утренними выпусками. Некоторые газеты предоставляли денежные средства самой Коммуне. Так, орган клуба «Пролетарий» вносил доход в Комиссию помощи раненым национальным гвардейцам. Новые периодические издания были основаны на личные сбережения коммунаров, а прежние революционные газеты продолжали издаваться на средства их редакторов. В целом газеты окупали себя. Что касается прибыли, то у тех, кто ее получал, она оказывалась весьма скромной. Буржуазные историки склонны были преувеличивать финансовую мощь печати коммунаров. Эти «исследователи» преследовали одну цель: показать, что для журналиста-коммунара главным делом была не пропаганда идей, а обогащение. Больше, чем другим, фальсификаторы приписывали это «Отцу Дюшену». Популярность ее не давала им покоя. Редакторов этой газеты они называют не иначе, как «спекулянтами», «ленивыми и бесталанными литераторами»; рассказывают о баснословном состоянии, которое якобы нажили издатели; высмеивают язык материалов «Отца Дюшена». Однако пресловутый «доход» никому из пяти пайщиков газеты не обеспечил сколько-нибудь безбедного существования.

Коммунары располагали для пропаганды и агитации очень ограниченными ресурсами. Вопрос о средствах на нужды революции ставился едва ли не на каждом заседании Совета. Деньги были необходимы и на выпуск газет и на поездки в провинцию с агитационными целями. На все это Коммуна смогла использовать менее двух десятков миллионов франков, тогда как версальская пропаганда финансировалась практически неограниченно: Тьер получил из Национального банка на клевету и на подавление Коммуны несколько сотен миллионов франков. Тут сказалась известная ошибка коммунаров, не захвативших банк. А газеты Коммуны почти не помещали рекламы и поэтому не имели данного источника доходов. Их устойчивость в основном зависела от тиража. Не все издания оказались способными выстоять в тех сложных условиях. Некоторые или слишком поздно организовались, или чересчур рано прекратили свое существование. Имелись газеты, вышедшие всего в одном—трех номерах. При обилии печатных изданий в Париже оказывалось совсем не простым делом ориентироваться в выборе нужной революционным массам периодики. И газеты Коммуны во многих случаях помогали друг другу находить путь к читателям. Как ни мал был в каждой из них отдел объявлений, в нем находилось место для сообщений о новых изданиях Коммуны, иногда целая заметка, причем с выражением мнения автора, задушевная по то-

¹⁹ Подробнее см. M. Villum e. Mes cahiers rouges au temps de la Commune. P. 1910.

ну и боевая по содержанию, а иногда несколько строчек. «Вчера возобновилось издание газеты «La Caricature» («Карикатура») Пилотеля», — сообщалось в «Новой Республике» от 24 марта. Газета, как видим, очень лаконична. Но имя Пилотеля не нуждалось в комментариях, равно как и его газета, одна из популярнейших еще до революции, запрещенная генералом Винуа 10 марта.

Иные задачи поставила перед собой газета «Порядок». Оповещая о новом издании, она хотела использовать это в деле агитации: «На стенах Парижа расклеена афиша, что скоро появится новая газета... Редактировать ее будет Делеклюз... Мы еще раз повторяем, что в современных обстоятельствах никто не имеет права отмалчиваться». Автор отмечал далее, что тем более нет такого исключения для Делеклюза, известного борца за Республику²⁰. Не всегда такие объявления были умело выделены на газетной странице. Но имели место и интересные эксперименты. Оформленная обычно с большим вкусом, «Новая Республика» образцово использовала для рекламы шрифтовое хозяйство. Самые важные сообщения набирались жирным шрифтом и занимали иногда не одну, а несколько колонок. Броско, почти на половину страницы, дано объявление, что в ближайшее воскресенье появится газета «Освобожденный» (она стала затем продолжением «Новой Республики»). Вообще же в газетах Коммуны текст печатался четким, достаточно крупным шрифтом, обычно на пяти колонках. Большинство периодических изданий имело две страницы. Однако в моменты наибольшего обострения борьбы они обретали форму афиш. Так выглядели, в частности, последние номера нескольких революционных органов. Газета «Le Salut public» («Общественное спасение») была отпечатана на одной стороне страницы и содержала всего несколько строк: «Граждане! Предательство открыло двери врагу. Он в Париже! Он бомбардирует город, убивает наших жен и детей. Час великой битвы пробил!»

В защите Коммуны, как и в мирном строительстве, печать проявила свои огромные организаторские возможности. Она не только агитировала население Парижа и способствовала поднятию его боевой готовности, но и сама в полном составе редакций и типографских рабочих сражалась на баррикадах. Полиграфисты и сотрудники газет объединялись в батальоны Национальной гвардии и уходили в окопы по первому зову, не успев еще отмыть с рук чернила и типографскую краску. Товарищи ушедших выполняли двойную работу, чтобы очередной номер вовремя поступил к читателям. Газета в те дни была нужна парижанам порою не меньше, чем огнестрельное оружие. Когда бои уже шли на улицах столицы, в типографии продолжали печатать «Официальную газету». Последние укрепления Коммуны удерживал в одном строю с национальными гвардейцами, их женами и сыновьями батальон под названием «Отец Дюшен», созданный под руководством редакторов одноименной газеты. Они открыто гордились, что им пришла в голову мысль об организации такой формы помощи Коммуне. Другие газеты еще в момент появления батальона восторженно отзывались об этой инициативе, подавали предложения о том, как экипировать батальон и чем ему посодествовать. В живых из состава этого батальона остались лишь двое. Вообще же «майская неделя» вписана в историю Коммуны буквально кровью многих публицистов и литераторов.

Во время Коммуны журналисты, по требованию революции, превращались в государственных деятелей, а из государственных деятелей — в военачальников или в бойцов. Шарль Делеклюз, который совмещал журналистику с выполнением поручений Коммуны, в самый ответственный момент возглавил оборону Парижа и принял смерть на городских баррикадах. П. Груссе стал первым в мире министром иностранных дел государства трудящихся и последовательно проводил политику мира и интернационализма. Ко всем государствам Коммуна обратилась с предложением дружбы и выражением доброй воли народа. Она уничтожила атрибуты реакционной военщины, свергла Вандомскую колонну — символ войны и милитаризма. На баррикадах был ранен О. Верморель, редактор «Порядка» и «Друга народа». Вместе с другими защитниками Коммуны расстрелян Э. Моро. За воротами белых казарм шли массовые казни. Гордо, отказавшись завязать глаза и силой поставленный на колени, погиб от руки версальского офицера журналист Жан-Батист Мильер. Отважно сражались на баррикадах журналист Шарль Гамбон, журналист Анри Бриссек, редактор газеты «Клич

²⁰ «L'Ordre», 1871, № 2.

народа» Жюль Валлес и известный в литературных кругах с 14 лет, впоследствии автор текста «Интернационала» Эжен Потье. Их руки держали ружье не менее уверенно, чем перо. За революционные убеждения отдал жизнь журналист, бессменный прокурор Коммуны Рауль Риго.

После падения Коммуны к разным видам репрессий версальцы приговорили 2 901 литератора-коммунара. Многим из них вынесли смертный приговор. Военный трибунал расправлялся с участниками Коммуны вплоть до 1875 г., а реакционная печать призывала напитать кровью коммунаров камни Парижа и окрасить ею воды Сены. Дорогой ценой был куплен опыт пролетарской диктатуры, дорогой ценой приобретен опыт организации печати нового типа. В 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция, создавая условия, при которых в полную силу развивалась пролетарская пресса, выращивала, в частности, и те зерна, которые были посеяны Парижской коммуной: был дан решающий бой буржуазной, антинародной пропаганде. А Коммуне не хватило времени, у нее не имелось четкой программы действий и не было партийного руководства, чтобы весомо противостоять враждебным газетам. Коммунары даже в Париже терпеливо сносили гнусные нападки контрреволюционной оппозиции. «Правительство — через депеши и циркуляры, Ассамблея — через речи, реакционная пресса через репортеров сделали журналистику арсеналом отвратительных небылиц», — писал член Коммуны Ш. Белэ²¹.

В марте перевес был на стороне парижан. В апреле наступило равновесие. 12 апреля К. Маркс писал: «Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль...»²². Решающий для победы момент был упущен. В первый период революции «органы крайне правой молчали, остальные выразители буржуазных интересов держались беспартийно-объективного направления, доказывая этим, что их читатели были настроены выжидательно и не потерпели бы одобрения реакции», — свидетельствует историк Коммуны Луи Дюбрейль²³. Но и тогда лояльность таких газет оставалась неполной, непостоянной, и они склонялись на сторону то Версаля, то Коммуны. Одобряли и тут же критиковали коммунаров. От воинственности переходили к попыткам примирить Коммуну с Версалем путем всевозможных уступок «законному» правительству. Некоторые правые газеты считали, что для этого нужно распустить Национальную гвардию. А типичные мелкобуржуазные колебания вообще проявлялись самым полным образом. Мелкая, частично средняя буржуазия на первых порах была попутчицей Коммуны. Между прочим, в ее интересах коммунары приняли ряд законодательных актов, спасли мелких и средних торговцев и промышленников от банкротства и долговой тюрьмы. Достаточно напомнить, что до Мартовской революции экономическая политика Тьера поставила у края пропасти 45 тыс. коммерсантов.

По мере все более отчетливого проявления Коммуной ее пролетарского характера шло размежевание органов печати. Мелкобуржуазные настроения некоторых газет привели их затем в лагерь реакции. В апреле количество изданий, поддерживавших буржуазию, увеличилось. Но почему коммунары терпели враждебную прессу? Разве нельзя было разбить ее, как они сделали с аппаратом государственного управления? Для них разница заключалась в том, что звенья государственной власти — не собственность; а буржуазными газетами владели так же, как промышленными и торговыми предприятиями, извлекая из них прибыль. Печать глубоко уходит своими корнями в систему производства. С этой двойственной природой печати, заключающей в себе не только идеологический смысл, столкнулись тогда коммунары и, совершив ошибку, остановились в нерешительности. Сказались и непролетарские влияния. Прудонистские убеждения сдерживали многих коммунаров при решении данного вопроса, ибо прудонисты не усмотрели в Коммуне зародыша диктатуры пролетариата. И вот коммунары не провели полной национализации частной собственности, не сочли возможным распорядиться средствами Национального банка, возвели в абсолют «личную честность» и не поняли, что она в такие моменты истории не должна отличаться от обязанностей и прав революционного класса. «Двух пушек было бы достаточно, что-

²¹ Ch. Beslay. La Vérité sur la Commune. Bruxelles. 1876, p. 52.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 172.

²³ Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 г. М. 1920, стр. 123.

бы разбить сопротивление банка, а четыре национальных гвардейца во главе с капитаном могли бы завладеть всеми финансовыми учреждениями Парижа»²⁴. Однако Коммуна доверилась соглашательской политике отвечавшего за ее финансы Белэ и ограничилась переговорами с администрацией банка о том, чтобы ей «открыли фонды».

Типографии, склады бумаги, газеты, средства транспортировки тоже остались в частных руках. Даже центральный орган не принадлежал Совету. Поэтому Коммуна не могла совершенно свободно влиять на направление печати, подбирать кадры, распространять периодику, обеспечивать для революционных изданий полиграфическую и финансовую базы. Газеты выпускались на дешевой, сероватой бумаге, вызывая насмешки в стане врагов. Революционные органы печати ограничивали себя двумя страницами, тогда как буржуазные использовали вдвое большую площадь. Если до революции правительственная «Официальная газета» располагала 4—6 страницами, то теперь — лишь двумя. Иногда из-за недостатка бумаги и средств органы Коммуны вообще переставали выходить в свет. Коммунарам нелегко было определить, в чем они ошибаются, а что является непреходящим условием победы революции. Отсутствие марксистской пролетарской партии нанесло непоправимый ущерб революционному движению. Коммуна не поняла, что, пока пролетариат вообще нуждается в государстве, «он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников...»²⁵. Бланкисты, одна из ведущих партий Коммуны, выступали поборниками сильной централизованной власти и диктатуры, но не рабочего класса, а лишь горстки революционеров. К тому же накануне революции был арестован Бланки. Его отсутствие усилило колебания. Возможно, что если бы Бланки был в Париже, то он «не пренебрег бы захватом «Официальной газеты». Вместе с префектурой полиции и телеграфом она в первую очередь заняла бы его мысли»²⁶.

В затянувшейся газетной полемике, в многочасовых дискуссиях на заседаниях Совета коммунары обсуждали принцип свободы печати. Позволить всем говорить все или же бороться с оппозиционными мнениями? Если бороться, то какими способами? А вдруг массы не увидят отличия Коммуны от старой власти, если сейчас прибегнуть к таким мерам, как запрещение враждебных газет? Коммунары, по-прежнему неоправданно колеблясь, спрашивали себя, надо ли арестовывать реакционных журналистов, а последние тем временем не только клеветали на Коммуну, но и шпионили в пользу Версаля, участвовали в манифестациях и вооруженных провокациях против революционной власти. Стеснительность коммунаров зашла настолько далеко, что они всерьез думали, не закрыть ли вообще все газеты, в том числе самые радикальные. Исключение предлагали сделать только для «Официальной газеты». Паскаль Груссе обратился к редакции «Новой Республики» с призывом прекратить издание, чтобы враги не могли сказать, будто коммунары закрывают одни газеты в интересах других. Дело в том, что коммунарам пришлось выдержать многочисленные клеветнические обвинения в том, что преследование реакционной печати предпринимается из-за «личной мести». Самого последовательного сторонника борьбы с враждебной пронагаддой Р. Риго враги объявляли психически неполноценным, его революционную прозорливость называли болезненной мнительностью. И многие коммунары дрогнули. «Не надо запрещений газет, не надо арестов», — просил О. Верморель, выступая на страницах своего «Друга народа»²⁷. «Отец Дюшен» сначала тоже был настроен благодушно: «Патриоты! Охраняйте свободу печати... Здравые мысли всегда сами восторжествуют».

Революционные массы оказались более решительными. Национальные гвардейцы по собственному почину приходили в целях контроля в редакции и типографии буржуазных газет, арестовывали расклейщиков афиш, оповещавших об организации новых контрреволюционных изданий, отбирали тиражи враждебных газет у их распространителей, лишали буржуазные органы возможности транспортировать свежие номера. Голос масс все крепчал. «Отец Дюшен» постепенно проникся их настроением и призывал членов Коммуны «отказаться в содействии распространению враждебных

²⁴ C. Dauban. Le Fond de la société sous la Commune. P. 1873, p. 304.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 5; В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 89.

²⁶ E. Lepelletier. Histoire de la Commune. Т. 1, p. 63.

²⁷ «L'Ami du peuple», 1871, № 3.

идей... В наших руках почта и железные дороги, и вы имеете право лишить их этих путей». Становление революционной печати, однако, все равно не смогло бы идти успешно, пока Коммуна не взяла бы в свои руки средства пропаганды. Буржуазные газетчики самоуверенно заявляли, что, покуда в Париже существует хоть одна типография, они найдут место для выражения своего мнения²⁸. Без национализации печатной базы и самих газет никак нельзя было считать законченной организацию печати нового типа. А революционное правительство с большим опозданием пришло к пониманию необходимости всесторонне вести решительную борьбу, расчищая почву, в частности, и для революционной печати. ЦК НГ основную надежду возлагал на предупреждения в адрес оппозиционной прессы. Разумеется, они не подействовали.

Коммуна убеждала даже открыто проверсальскую печать, предостерегая ее от враждебности. Она разоблачала ее лживые материалы: «Преступление говорить, что Париж развязал войну; ложь, будто национальные гвардейцы расстреляли парламентаря. Они сами были обмануты и предательски атакованы солдатами, которые подняли приклады вверх, чтобы национальные гвардейцы приблизились на расстояние выстрела»²⁹, и т. п. Только постепенно Коммуна осознала необходимость более решительных контрдействий, но все же не до конца. В общей сложности она запретила 34 газеты, однако декреты осуществлялись без должной последовательности. Запрещая газеты, Коммуна очень редко передавала их материальную базу и полиграфическое оборудование в распоряжение революционной прессы. Закрытые в Париже, органы реакции легко приживались поэтому в пригородах и в Версале, а для конспирации лишь меняли названия. В результате число газет, враждебных революции, сократилось отнюдь не настолько, чтобы не представлять угрозы для Коммуны. Вплоть до 18 мая Коммуна не сказала нужного слова о буржуазной печати. Только в этот день Совет принял декрет, предвещавший шаг к победе над реакционной пропагандой, закрывавший путь к возобновлению вражеских газет под измененными названиями и возлагавший ответственность за направление газет не только на редакцию, но и на типографию. Увы, этот декрет Коммуна приняла слишком поздно, ибо 21 мая версальские войска вступили в Париж.

В объятый пламенем столице погибли многие ценнейшие документы — свидетели поисков и достижений первого пролетарского правительства. Не только пожары, но и версальцы уничтожали печатное слово Коммуны, как и иные свидетельства ее выдающейся созидательной работы, ее новой политики и социально-экономических преобразований. Лишь у некоторых коллекционеров сохранились полные комплекты революционных газет, да и то не всех. Еще меньше осталось документов, отражавших, как зарождалась и строилась пролетарская политика в отношении печати. Реакционные политические круги во Франции и во всем мире еще и сейчас заинтересованы, чтобы правда о Коммуне не находила дороги к современным наследникам дела коммунаров. Однако, вопреки стараниям буржуазных «исследователей», опыт Коммуны не пропал. Те проблемы, к постановке которых коммунары только-только подошли и лишь отчасти решили их, были учтены марксистами-ленинцами в ходе дальнейшего развития пролетарского освободительного движения. По мере развертывания борьбы рабочего класса возрастало значение, придаваемое печати. В ленинских трудах анализ задач революционной пропаганды был построен с полным учетом предыдущих уроков истории, полученных рабочим классом.

В Советском Союзе ныне самая большая коллекция периодических изданий Коммуны. Бережно хранят их в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и в некоторых других научных и книжных центрах нашей страны. Пыль истекшего столетия не покрывает пожелтевшие от времени печатные страницы: их читают и перечитывают, в них вникают, чтобы лучше понять как историю, так и современность, выявить общеисторические истоки в социалистических странах той власти трудящихся, прообразом которой была Парижская коммуна.

²⁸ «La Nouvelle République», 1871, № 11.

²⁹ «Le Livre Noir de la Commune». Bruxelles. 1871, p. 322.